

Живет в Рамат Ган (Израиль).

МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ВООБРАЖЕНИЕМ

Город

Обломки стен смешались винегретом,
На них приправой окислялся стронций.
Над черной неподвижной планетой
Вставало эбонитовое солнце.

По бывшим городам гуляло пламя
Взрывая то цистерны, то канистры,
И раны рек с разверстыми краями
Дымились и разбрасывали искры.

А здесь, тупой вражде немим укором,
Обещанным и Торой и Кораном,
Мой теплый, мой любимый южный город
Лежал в руинах черным, бездыханным.
Лежал, нелепо вывернув кварталы,

Безмерно, безнадежно изувечен,
С лицом, покрытым траурной вуалью,
И оспинами трупов человеческих.
Из треснувших кусков античной кладки
Торчал, как вопль, скелет сгоревшей стелы.

А радиоактивные осадки
Летели вниз, летели вниз, летели...

Внезапно я очнулся от кошмара,
Смеялось утро, щебетали птицы,
По отдохнувшим за ночь тротуарам
Спешили люди шумной вереницей,
И разбивая в прах печаль и скуку
Кружился у окошка змей бумажный.

Дай, Господи, чтоб этот сон не в руку,
Но всё же пусть его увидит каждый.

Кошачий вальс

Травы сомлели под утренним нежным солнцем.
Дом престарелых прижался к двору-колодцу,
Словно кухарка во время большого пира,
Узенькой аркой вбирая созвучья мира.
Вдоль парапета, под серым, как прах, навесом
Спрятан от ветра рядок инвалидных кресел
Лица-лампадки, то ярче, а то тусклее,
Времени складки лежат на оплывших шеях.
Пенит песок воробышек крикливых стая,
Рыжий котенок листок по земле гоняет,
То, словно рыбка, нырнет в травяные пряди,
То замирает, наверх с интересом глядя:
Над чередой старичков – бледных одуванцев
Светятся душ золотые протуберанцы
Тянутся, тянутся вверх на тончайших лесах
И упираются в дряхлую плоть навеса.
Как бы ловчее запрыгнуть на спинку кресла
И коготками рвануть золотую лесу,
Глядя, как солнечный сгусток пройдет сквозь крышу
И, разгораясь, потянется выше, выше...
Шустрый котенок снует взад-вперед вдоль кресел,
Прыгает, падает, крутится мелким бесом,
Нет, не допрыгнет: и мал и неловок рыжий,
Души мерцают, а люди устало дышат,
Ждут что вот-вот, одиночество растворится,

В сумраке арки проступят родные лица.
Нет никого, видно памятью время вертит,
Дворик, песок, бормотанье соседки

Рисунок по памяти

На столе клеенка в нарядных маках,
В мисочке горох, размокая, бухнет.
Я сижу с тетрадкой, вдыхая запах
Пестрого бытья коммунальной кухни.

Вновь из пункта «А» вышел человечек,
А линейка в комнате – вот растяпа!
Там у мамы гость (говорит – разведчик,
Да хоть генерал, только он – не папа).

Дядя Моня час как пришел со смены,
Пьет грузинский чай из огромной кружки,
Заедая цимесом непременно,
Рыжим, как Мироновы конопушки.

На халате в треск натянув полосы,
Вновь дымит у форточки тетя Фира,
Страхивая пепел от папироски
На медальку крышечки от кефира.

В ряд на керогазах кастрюль короны:
Хаш, рассольник, щи и супец с колбаской...
Попросить линейку бы у Мирона,
Только он на улице, с нашим Васькой.

Скоро шесть. Михеич придет с работы,
А за ним Армен, хахаль тети Нели,
Сядут отмечать, кто - приход субботы,
Кто - последний день трудовой недели.

Сдвинутся столы, зазвонят рюмашки,
Загремят кастрюли, роняя крышки.
Ну а я, доделав свою домашку,
Посижу с Мироном, листая книжки

В комнатке, где слоники под часами
Будут ждать, как в кухне, цветной и пьяной,
Отзовутся тосты «за тех, кто с нами»
Эхом от войны: «что ж, друзья, помянем...»

А пока спешит человек в тетради,
Скорость в пять кэмэ отмеряют ножи,
В такт его шажкам по бульонной глади
Неля мерно плюхает поварешкой.

И, перхая старчески, бабка Польша
Мозговую кость с упоеньем гложет.
Путь до пункта «Б» – два пи эр, поскольку
В понедельник будет опять всё то же:

Потекут до пятницы дни за днями,
Толкотня на кухне, домашка, споры,
И опять разведчик припрется к маме,
Или капитан, или дворник Боря.

Так же будем с модой сверять подолы,
Медяки считать у окошка кассы,
И захлеб делиться возвращенной в школе
Верой в урожай райских яблок с Марса,

Верой, что вот-вот заживем как люди,
Что преодолеем все-все барьеры.
Главное ведь: верить, что будет, будет,
И воздастся, может быть, нам по вере.

Под окном надсадно скрипят качели,
С них в песок сигают Мирон да Васька...

Принеси-ка, внученька, акварели –
Нарисуем память в прозрачных красках.

